

Jeffrey Veidlinger. *In the Shadow of the Shtetl.*

Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2013. 385 p.

Исследование по устной истории еврейского населения малых городов Юго-Западной Украины, основанное на более чем четырехстах интервью, записанных в ходе полевых исследований в начале 2000-х гг. Автор сосредоточен на воспоминаниях о довоенной жизни и жизни в оккупации. Особенностью книги является то, что она написана на основе интервью, записанных исключительно на идише. Это одновременно и достоинство, и недостаток книги. Весь собранный материал увязан с широким историческим контекстом. Книга представляет собой незаменимое пособие для тех, кто интересуется повседневной жизнью евреев штетла, последние следы которой исчезают буквально на наших глазах.

Ключевые слова: местечки, Украина, устная история, XX век, евреи, еврейская история, обычаи и общинная жизнь.

Такую рецензию я еще никогда не писал и вряд ли вскоре напишу вновь. Нечасто удается прочесть книгу, построенную на интервью с твоими собственными информантами.

Более того: многие герои обсуждаемой книги не просто мои информанты, они — мои добрые знакомые. Они поили меня чаем, угощали яблоками и абрикосами, учили жизни, передавали «из рук в руки» соседям и знакомым.

При чтении книги Джеффри Вайдлингера «В тени штетла¹» я испытывал не только профессиональный интерес, но и понятную ревность: «А об этом мне рассказывали?»

Выбор лучшего региона для различных исследований культуры и языка бывших штетлов Восточной Европы определен не нами, а немилосердной историей. Относительно небольшая часть Украины, юго-запад Винницкой области и запад Одесской области, была во время Второй мировой войны

Валерий Аронович Дымшиц
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
vodym1959@gmail.com

¹ Штетл (*идиш*) — городок. Понятие, которое было введено в научный оборот и английский язык (а через английский и в другие языки) Зборовским и Герцог в их знаменитой книге “Life is with People” (1946) [Zborowski, Herzog 1952], посвященной этнографии евреев Восточной Европы. Это понятие не вполне эквивалентно прижившемуся в русском языке понятию «местечко» (от польского слова с тем же значением «городок»). Местечко — административно-территориальная единица, включающая собственно город и его предместья, штетл — торгово-ремесленный центр города с абсолютным преобладанием еврейского населения. Об особенностях дефиниции «штетл» см.: [Соколова 2008].

«подарена» Германией своему военному союзнику Румынии. Эта территория на четыре года получила название Транснистрия, т.е. по-румынски — Заднепровье. Румынская администрация, во-первых, превратила эту часть Украины в огромный концлагерь, депортировав туда свыше 600 тысяч евреев из Буковины и Бессарабии. Во-вторых, весьма многочисленное местное еврейское население также было загнано в гетто и концлагеря. Еврейское население некоторых местечек (например, Жабокрича) было полностью уничтожено, других (например, Тульчина и Могилева-Подольского) — вымирало в концлагерях от голода и болезней. И все-таки уничтожение не было тотальным. Во многих местечках евреев заперли в гетто (что иногда означало: оставили в своих домах, огородив колючей проволокой), но не расстреляли, как это происходило повсеместно в зоне немецкой оккупации. Кроме того, в 1941 г. фронт докатился до этой части Украины не сразу, многие сумели эвакуироваться. Так что после войны евреи продолжали составлять существенную часть населения малых городов Винницкой области. Меньшую, чем до войны, но существенную.

Сохранение *коренного* еврейского населения, т.е. людей, живущих в своих домах и на своих улицах, означало сохранение языка, сети соседских и родственных связей, отчасти традиционных занятий, традиционных иерархий и традиционной системы ценностей. Это также означало, что память для жителей бывших местечек была не роскошью, не особенностью личности (одни помнят много, другие — меньше), а ресурсом, позволявшим претендовать на определенное место в традиционной иерархии внутри сообщества.

С того времени как Jewish studies возобновились на территории СССР накануне его распада, Винницкая область постоянно привлекала интерес исследователей. Я впервые оказался там в 1989 г. Затем приезжал туда еще несколько раз. Наконец, начиная с 2004 г., как в одиночку, так и в составе больших исследовательских групп, провел там несколько достаточно продолжительных экспедиций, поэтому со страниц рецензируемой книги до меня то и дело доносятся голоса знакомых. Несмотря на то что массовая эмиграция начала 1990-х гг. на порядок уменьшила количество еврейского населения в малых городах Украины, лучшего поля, чем «Транснистрия», для исследований в области еврейской этнографии и устной истории нет и не будет.

Начиная со второй половины 1990-х гг. лингвисты Довид Кац (University of Vilnius) и Дов-Бер Керлер (Indiana University) начинают систематически объезжать территорию бывшего «Идишланда», от Литвы до Карпат, фиксируя от последних

носителей языка локальные говоры. К этой первоначально диалектологической экспедиции в какой-то момент примкнул и Джеффри Вайдлингер, автор рецензируемой книги «В тени штетла».

Участников экспедиций первоначально интересовало то, как говорят носители языка. Именно поэтому они нигде не задерживались надолго, стремясь объехать как можно больше регионов и зафиксировать как можно больше локальных речевых особенностей. Первоначально собирателей интересовало главным образом *как*, а не *что* говорят их информанты. Однако постепенно интервью накапливались. Записи бесед, объемом до нескольких часов каждая, стали представлять существенный содержательный интерес. В результате из них сформировался архив, получивший название АНЕУМ (Archives of Historical and Ethnographic Yiddish Memories Project). Название говорящее, так как в переводе с идиша слово “*aheym*” означает «домой». В настоящее время этот архив находится в Indiana University, а Джеффри Вайдлингер до 2014 г. являлся соруководителем этого архива, содержащего около 400 интервью¹.

Соответственно, рецензируемая книга представляет собой обработку и осмысление интервью, собранных в Подолии, т.е. в Винницкой области. В поле зрения исследователей попала не только территория «Транснистрии», но и соседние подольские местечки, Гайсин и Теплик, которые были оккупированы немцами. Тем не менее там за счет эвакуации сохранилось достаточно многочисленное еврейское население. К подольским материалам добавлены материалы интервью, записанных еще в двух городах: Бердичеве (Волынь) и Умани (Киевщина). Эти два достаточно больших города, в которых до Второй мировой войны проживало очень значительное еврейское население, также не утратили его полностью после войны. Но все-таки бывшая зона румынской оккупации (города Бершадь, Тульчин, Брацлав, Могилев-Подольский) оказалась (и справедливо) в центре интересов американских собирателей, так же как она была основным полем работы наших экспедиций в период с 2004 по 2008 г.

Для того чтобы правильно оценить книгу «В тени штетла», ее значение и, если так можно выразиться, область применения, уместно сразу сказать о методах сбора информации. Как уже упоминалось, первоначальной целью было собирание образцов речи на идише, выявление говоров, степени их сохранно-

¹ Еще два аналогичных архива находятся в центре «Петербургская иудаика» ЕУСПб и Центре библиоистики и иудаики РГГУ. Они по объему больше, чем АНЕУМ, и имеют более разнообразную тематическую направленность, но меньший территориальный охват.

сти, влияние нормы и образования на говоры и т.п. Именно это определило круг информантов и тип интервью. Все интервью были взяты на идише. Автор, несколько самонадеянно, утверждает, что в обследованных городах исследователям удалось побеседовать с большинством носителей идиша. Между тем, в списке информантов я не встречаю имен многих своих самых ярких и знающих собеседников. Дело в том, что даже небольшая еврейская община разделена внутренними перегородками: некоторые адреса просто невозможно получить, не проведя в городе неделю-другую, а просто двигаясь по цепочке рекомендаций.

То, что, как сказано, все интервью были записаны на идише, во-первых, автоматически отсекло большинство информантов младших и средних возрастных групп. Во-вторых, среди информантов, компетентных в «этнографических» вопросах, сплошь и рядом попадаются люди, которые говорят на идише плохо или вообще на нем не говорят. Такая ситуация обычна даже среди местных уроженцев старшего поколения. Некоторые из них забыли язык; другие стесняются на нем говорить, полагая, что он у них от долгого неиспользования «испортился»; третьи, такое тоже иногда бывает среди тех, кто родился в 1930-х гг., плохо владели им с рождения. Наконец, за пределами опросов автоматически оказываются информанты-неевреи, носители интересного и подчас уникального знания о жизни своих еврейских соседей.

Понятно, что определенная часть бесед с информантами проходила и по-русски. Автор монографии упоминает о том, что часто рассказ одного и того же информанта на разных языках устроен совершенно по-разному. Он справедливо пишет о том, что о некоторых сюжетах и предметах информанту просто сложно говорить по-русски, для них нет соответствующей лексики. Нам в наших экспедициях тоже приходилось сталкиваться с этим эффектом.

Добавлю от себя, что дело не только и не столько в разнице «словарей», сколько в том, что нарратор легче погружается в воспоминания о прошлом, когда большинство евреев говорило на идише, если сам владеет этим языком. Но ведь справедливо и обратное. О множестве сюжетов, особенно тех, которые связаны с послевоенной жизнью, производством (например, работа на заводе), о взаимодействии с властью информантам гораздо проще говорить на русском, они даже не владеют соответствующей лексикой на идише.

Не всякий информант, запомнивший что-то на одном языке, в состоянии полноценно перевести эту информацию на другой. Переходя в повествовании к прямой речи, нарратор

непрерывно перескажет ее на языке персонажа. Если, например, он рассказывает на идише, то реплика, прозвучавшая на русском или украинском, так и будет пересказана без перевода. Верно и обратное. Часто информант, отказывавшийся разговаривать на идише, вдруг может сказать, что, допустим, бабушка ему рассказывала некую историю, и дальше следует «рассказ бабушки» на гладком и идиоматичном идише.

Дву- и триязычие очень важно для жителей бывших местечек. Мы в наших экспедициях в том случае, если нарратор хорошо владел идишем и охотно на нем общался, старались записать два интервью: одно на русском, другое на идише, например задавая одни и те же вопросы с интервалом в несколько дней.

Но самое главное — отказ от русского как языка общения приводит к тому, что «за бортом» оказывается масса интереснейших информантов и информации, которая, как сказано, не может (или может с большим трудом) быть транслирована на идише.

Впрочем, именно этот послевоенный период, когда в бывших местечках русский язык постепенно становился актуальнее идиша, почти не затронут в рецензируемой книге. Хронологически исследуемые устные воспоминания не простираются далее Второй мировой войны, а из послевоенного времени выбирается только одна тема — мемориализация памяти жертв. Такой выбор обсуждаемого периода — от революции до конца войны — представляется не вполне обоснованным. Во-первых, именно к послевоенному времени относится большая часть жизни информантов, это период их наибольшей социальной активности. Во-вторых, как показывают наши полевые исследования в том же регионе, «еврейская жизнь» (религиозная, общественная, профессиональная) продолжалась и продолжается до сегодняшнего дня. Исследования в этой сфере методами устной истории становятся еще интереснее, если учитывать, что довоенная жизнь еврейского населения была эксплицитно представлена в печати и документах (будь то, допустим, открытие еврейских школ или закрытие синагог), а документальная база для послевоенного периода гораздо уже и бедней.

Как бы то ни было, американские исследователи сосредоточились на довоенном периоде и устной истории. Хотя грань между устной историей и культурной антропологией достаточно размыта, тем не менее в книге заявлен интерес именно к «исторической» проблематике. Об этом в том числе свидетельствует хронологическое расположение материала.

Здесь имеет смысл обсудить состав книги «В тени штетла».

Первая глава посвящена историческому феномену шtetла и конкретизации этого феномена на примере истории нескольких подольских местечек из числа тех, что автор посетил в ходе своих экспедиций.

Следующая глава представляет сохранившиеся в памяти информантов рассказы, касающиеся катастрофы Гражданской войны, бурных изменений 1920-х гг., Голодомора начала 1930-х гг. Малые города Украины страдали от голода так же, как и села, между тем материал о Голодоморе на «еврейской улице» не собран и не издан. Книга Вайдлингера — одна из первых публикаций на эту тему.

Третья глава рассказывает о социальной структуре советского местечка, прежде всего о жизни и работе ремесленников или, как их называли в исследуемую эпоху, «кустарей». Автор, что характерно, не задается вопросом, почему все его информанты — выходцы из семей ремесленников и куда делись потомки не менее многочисленных лавочников, посредников, владельцев постоянных дворов, мельниц, лесопилок и т.п. Их исчезновение, очевидно, связано с феноменом «лишенцев». В эту неприятную категорию попало свыше половины еврейского населения бывшей черты оседлости. По нашим данным, в 1920–1930-х гг. действовала мощная «социальная центрифуга»: семьи «лишенцев» в массовом порядке покидали местечки, переезжая в большие города. С одной стороны, они лишились источника существования и оказались ущемлены законодательно, с другой — стремились дать детям образование, что входило в круг представлений этого слоя. Найти выходцев из семей, обладавших более высоким статусом, нелегко (хотя в наших экспедициях мы записывали интервью и с такими людьми), и этот факт заслуживает осмысления.

Четвертая глава содержит сведения о еврейском образовании, государственном и традиционном религиозном в довоенных местечках. Эта глава подробна и информативна, что естественным образом вытекает из специального интереса собирателей к идишу.

Пятая и шестая главы посвящены религиозной жизни в общине и дома соответственно. Здесь вновь остается пожалеть о том, что послевоенная религиозная жизнь, продолжавшая существовать в полулегальных формах, практически не описана.

Седьмая и восьмая главы — воспоминания о войне и геноциде на территориях, оккупированных германской и румынской армией, соответственно. Они мало что добавляют к нашему знанию о Холокосте, который был предметом подробного изучения в последние десятилетия. В частности, пропущена такая

важнейшая тема, как антагонизм между местными «советскими» и депортированными в Транснистрию «румынскими» евреями. Заключительная восьмая глава посвящена практикам мемориализации памяти о войне и ее жертвах как основным формам «еврейской» жизни в послевоенное время.

Временные рамки исследования ограничены выбором не только языка интервью, но и, так сказать, руководящей идеологии. Это представления, развиваемые авторитетным исследователем советского еврейства Цви Гительманом, о «плотной (thick)» и «тонкой (thin)» идентичностях [Gitelman 2012]. Согласно Гительману, никакая «плотная» идентичность у евреев невозможна без существования официально признанных и массово поддерживаемых институций. После Второй мировой войны институции окончательно исчезают, и — с точки зрения такого воззрения — вопрос о «еврейских местечках» оказывается сам собой закрыт. Моим коллегам и мне неоднократно приходилось полемизировать с этой точкой зрения. Полемическим — «Штетл. XXI век» — является и название сборника статей, основанного на наших полевых материалах. Наши исследования (как опубликованные, так и ждущие публикации) показывают, что разнообразные формы этнической жизни, от экономических до религиозных, так же как этнического самосознания, были и остаются существенными для этих малых общин вплоть до сегодняшнего дня.

Еще одной важной чертой обсуждаемой монографии является преобладание «исторического» подхода над «этнографическим». Автор и сам осознанно размещает свое исследование по «ведомству» устной истории, указывая, на какие именно исследования в этой области он ориентируется. Однако такой подход явно сужает круг исследуемых вопросов. Кроме того, с точки зрения Вайдлингера, устная история не может идти дальше «просто» истории, т.е. писаной и документальной, но, напротив, должна пребывать с ней в полнейшей «симфонии», дополняя и расцветивая ее живыми деталями. Такой подход представляется чрезмерно робким, но в то же время позволяет удобным для читателя образом контекстуализировать каждое интервью.

Вообще книга в целом построена следующим образом: рассматривается определенная тема, будь то история города Тульчина или еврейского образования в СССР. Сразу же (очень компактно и по существу) излагаются основные факты, суждения и, так сказать, исторические вехи, относящиеся к этой теме и основанные на соответствующих публикациях. Затем с помощью фрагментов интервью автор иллюстрирует эти исторические факты, делает их более объемными и, если так можно выра-

зиться, достоверными. Смысл устной истории автор монографии, очевидно, видит в том, чтобы подтвердить письменную историю, а не идти дальше, туда, где документ молчит. Между тем наши записи подтверждают, что там, где речь идет об истории евреев в СССР, устная история является зачастую единственным источником для множества тем — от религии и благотворительности до экономики и образования. Другое дело, что для того, чтобы свидетельство информанта стало предметом обсуждения не только в антропологическом, но и в историческом дискурсе, следует побеседовать со множеством жителей одного города, и тогда выявится, какие события, лица и предметы были для них общезначимы, а какие оказались «частным воспоминанием» одного определенного информанта.

К сожалению, в книге почти ничего не сказано о методах сбора интервью, о том, какими опросниками пользовался автор и его коллеги. Похоже, никаких фиксированных опросников просто не было, тем более что первоначальной целью собирателей было зафиксировать само состояние языка, для чего информантам предлагали рассказать в свободной манере свою биографию, поделиться воспоминаниями. Понятно, что любое интервью начинается с такого рассказа-монолога, но работа без опросника, на мой взгляд, не позволяет глубоко обсудить никакие темы, в том числе и затронутые автором обсуждаемой книги.

К достоинствам монографии Джеффри Вайдлингера стоит отнести ее композицию. Автор одинаково четко осознает и границы своего исследования (о чем было сказано выше), и свои методологические (в области изучения устной истории) и фактические (в области еврейской истории) источники. Его литературный обзор можно считать почти исчерпывающим. Было приятно отметить, что Джеффри Вайдлингер среди своих источников учел и все новейшие публикации на русском языке, в том числе сотрудников центра «Петербургская иудаика». Следует особо отметить, что, перечисляя источники, автор «не брезгает» и художественными текстами, и кинофильмами, отдавая себе отчет в том, что именно они сформировали «донаучный» образ шtetла в его голове и в головах его потенциальных читателей. Подкупает неизменно доброжелательная интонация, с которой автор говорит о своих информантах — это действительно в большинстве своем очень симпатичные, достойные люди.

Конечно, при чтении такой книги ее невольно сравниваешь с уже написанным тобой и твоими коллегами на близкую тему и на близком материале и, что важнее, — с еще не написанным.

Но параллельно присутствует мысль о том, что многое в книге Джеффри Вайдлингера определено той аудиторией, на которую книга рассчитана. Автор пытается (и не без успеха) сделать свое сочинение одновременно специальным и общедоступным, академичным и популярным и, самое главное, понятным и интересным широкому, в данном случае американскому, читателю. Он постоянно погружает каждое свое интервью в самые разнообразные контексты — от средневековой польской истории до постановлений ВКП(б) и всё, иногда излишне подробно, объясняет. Подразумевается, что монографию смогут заинтересованно читать представители нескольких, не всегда пересекающихся сообществ: антропологи и историки, не знающие об украинских штетлах; «простые» американские евреи, увлеченные поисками собственных корней; люди, интересующиеся бытованием идиша, и те, кого в целом занимает Восточная Европа. А я бы выделил еще одну категорию читателей — студентов и аспирантов, собирающихся в свою первую экспедицию в это по-прежнему очень интересное поле — Юго-Западную Украину. Замечательная пропедевтика: немного общей истории, немного еврейской истории, немного краеведения, немного теории, несколько образцовых биографических интервью — и все это ясно, просто, логично. Чем не учебник!

Библиография

- Соколова А.В.* Еврейские местечки памяти: локализация штетла // Штетл. XXI век. Полевые исследования / Сост.: В.А. Дымшиц, А.Л. Львов, А.В. Соколова. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2008. С. 29–64.
- Gitelman Z.* Jewish Identity in Postcommunist Russia and Ukraine: An Uncertain Ethnicity. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 379 p.
- Zborowski M., Herzog E.* Life Is with People: The Culture of the Shtetl. N.Y.: Schoken Books, 1952. 452 p.

Валерий Дымшиц

**Review of Jeffrey Veidlinger. *In the Shadow of the Shtetl*.
Bloomington & Indianapolis, IN: Indiana University Press, 2013.
385 pp.**

Valery Dymshits

European University at St. Petersburg
St. Petersburg, Gagarinskaya str., 3
vodym1959@gmail.com

Jeffery Veidlinger's work is a study on the oral history of the Jewish people in the small towns of South-Western Ukraine, based on more than 400 interviews that he recorded during his field studies in the early 2000s. The author focuses on memories of life before World War II and the Rumanian occupation. An important aspect of this work is that it is written on the basis of interviews, recorded exclusively in Yiddish, which had both advantages and disadvantages. All of the collected materials are placed in a broad historical context. This work is an indispensable guide for those who are interested in the everyday life of Jews in the former shtetls, the last traces of which are disappearing before our very eyes.

Keywords: Shtetls, Ukraine, oral history, 20th century, Jews, Jewish history, social life and customs.

References

- Sokolova A. V., 'Yevreyskie mestechki pamyati: lokalizatsiya shtetla [Jewish Places of Memory: Localization of Shtetl]', V. A. Dymshits, A. L. Lvov, A. V. Sokolova (comp.), *Shtetl. XXI vek. Polevye issledovaniya* [Shtetl. 21st Century. Field Research]. St.Petersburg: EUSP Press, 2008. Pp. 29–64. (In Russian).
- Gitelman Z., *Jewish Identity in Postcommunist Russia and Ukraine: An Uncertain Ethnicity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 379 pp.
- Zborowski M., Herzog E., *Life Is with People: The Culture of the Shtetl*. New York: Schocken Books, 1952. 452 pp.